

SECTION 31. Economic research, finance, innovation.

Kovalenko Gennady Vasilyevich

Associate Professor, Ph.D.,

The St.Petersburg State Polytechnical University, Russia

7525268@gmail.com

**CONSIDERATION OF THE LEVEL OF INFORMATION
INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF THE RISK–MANAGEMENT IN THE
COUNTRY AS THE FACTOR OF GLOBAL COMPETITIVENESS OF ITS
ECONOMY**

***Abstract:** The role of the information infrastructure of risk management in the country as a key factor of the global competitiveness of its economy is discussed. Controversy of omitting this factor in calculating the index of state regulation development of risk management is pointed out. It is concluded that there is the underestimation of the role of the level of the information infrastructure development of the risk management in the country as a factor in its global competitiveness.*

***Keywords:** competitiveness, risk management, policy index, information infrastructure, level of development, state regulation*

УДК 330.131.7:339.137.2

**ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
РИСК–МЕНЕДЖМЕНТА В СТРАНЕ КАК ФАКТОРЕ ГЛОБАЛЬНОЙ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЕЕ ЭКОНОМИКИ**

***Аннотация:** Дискутируется роль развитости информационной инфраструктуры риск-менеджмента в стране как ключевого фактора глобальной конкурентоспособности ее экономики. Показывается спорность игнорирования этого показателя в расчете индекса развития государственного регулирования риск-менеджмента. Делается вывод о недооценке роли уровня развития информационной инфраструктуры риск-менеджмента в стране как фактора ее глобальной конкурентоспособности.*

***Ключевые слова:** конкурентоспособность, управление рисками, индекс регулирования, информационная инфраструктура, уровень развития, государственное регулирование.*

Целью развития риск–менеджмента в любой стране является, в конечном счете, обеспечение ее устойчивого развития на долгосрочную перспективу, чего невозможно достичь не будучи конкурентоспособной. Если иметь возможность соизмерить уровень развития риск–менеджмента в стране с уровнем глобальной конкурентоспособности, то можно разрабатывать и принимать научно-обоснованные меры к ее повышению.

Измерению конкурентоспособности стран посвящено значительное количество работ [1, 2, 3, 4], в то время как показателям, характеризующим степень развития риск–менеджмента, внимания уделялось недостаточно. Ситуация изменилась после появления интересной работы Л.В. Белоусовой [5], в которой, в том числе, впервые был предложен такой показатель как индекс развития государственного регулирования риск–менеджмента (RMPI), использованный при разработке стратегии развития риск–менеджмента в России период до 2020 года [6].

Для обоснования формулы расчета $RMPI$ ее автором по выборке из 14-ти стран было рассмотрено и проанализировано 35 различных показателей, из которых статистически значимыми было признано четыре:

- оценка наличия действующих общегосударственных и национальных стандартов по управлению рисками (X_1);
- оценка наличия специализированных технологий и инструментов по управлению рисками в малых и средних предприятиях (X_2);
- оценка уровня развития информационной инфраструктуры риск-менеджмента (X_3), под которым подразумевается наличие актуальных баз данных катастроф, наличие актуальных баз данных операционных рисков, наличие актуальных баз данных кредитных рисков, наличие актуальных баз данных чрезвычайных ситуаций, наличие действующих представителей от страны в ORX DataBase;
- оценка уровня охвата отраслей риск-менеджментом в стране (X_4).

После изучения корреляции этих показателей со среднегодовой частотой страновых дефолтов в формулу расчета $RMPI$ (1) в итоге вошло три показателя:

$$RMPI = 1 - \max\{-0,0003X_1 - 0,0006X_2 - 0,0003X_4 + 0,0029; 0\} \quad (1)$$

Представляется, что исключение показателя X_3 из итоговой формулы расчета $RMPI$ весьма дискуссионно. Дело в том, что показатели X_2 , X_3 , X_4 скорее характеризуют уровень развития риск-менеджмента, чем уровень его государственного регулирования, в этом смысле они равнозначны. Однако, величина коэффициента корреляции между среднегодовой частотой дефолтов и X_3 , пусть ненамного, но больше, чем величина аналогичного показателя для X_4 (0,61 против 0,59 согласно [7, с.71]). Это первое «против исключения», пусть и с формально-статистических позиций.

Второе «против исключения» возникает, когда мы обращаемся к пониманию неопределенности как состоянию, заключающемуся в недостаточности, даже частичной, информации, понимания или знания относительно события, его последствий или его возможности [8, с.2]. Частный пример практического случая такого состояния в R&D сфере и его экономических последствий был рассмотрен в [9]. Действительно, управление рисками – это действия в условиях недостаточной информации и при нулевом уровне развития информационной инфраструктуры не обязательно отсутствует возможность управлять рисками, если есть определенные методики и технологии. Однако, если рассматривать ситуацию в аспекте эффективности управления рисками применительно к показателю X_2 , то скорее всего, менеджеры малых и средних предприятий, при наличии развитой информационной инфраструктуры риск-менеджмента и свободного доступа к ней, будут иметь возможность эффективно влиять на риск-ситуацию без обязательного применения специализированных технологий и инструментов по управлению рисками, в то время как наличие таких технологий без доступа к информационной инфраструктуре мало поможет такому бизнесу эффективно управлять рисками. Высказанное не умаляет значимость индекса $RMPI$, который может быть с успехом применен для оценок резервов роста для России, повышения ее конкурентоспособности, в том числе через развитие малого и среднего бизнеса.

Третье «против исключения». В статье [7, с.68] представлены статистические данные, характеризующие 14 стран по таким показателям, как уровень развития нормативно-правовой базы по управлению рисками; уровень развития образовательной базы риск-менеджмента, организация регулирования риск-менеджмента, внедрение риск-менеджмента в государственные органы, функционирование профессиональных организаций и объединений риск-менеджеров, участие в международных институтах области риск-менеджмента, внедрение риск-менеджмента в средних и малых

предприятиях, уровень развития информационной инфраструктуры риск-менеджмента, применение стандартов нефинансовой отчетности, отраслевое регулирование риск-менеджмента. Наличие этих данных, полученных Л.В. Белоусовой, позволило автору данной статьи, через соотнесение их методом множественного линейного корреляционно-регрессионного анализа с The Global Competitiveness Index соответствующих стран (табл.1), выявить ключевые компоненты уровня развития риск-менеджмента, статистически значимо влияющие на глобальную конкурентоспособность той или иной страны.

Таблица 1

The Global Competitiveness Index 2013–2014*

Страна	Значение
Германия	5,51
США	5,48
Япония	5,40
Великобритания	5,37
Канада	5,20
Австралия	5,09
Франция	5,05
Китай	4,84
Италия	4,41
ЮАР	4,37
Мексика	4,34
Бразилия	4,33
Индия	4,28
Россия	4,25

*составлено автором по [3, с.15]

Таких компонентов оказалось два – это уровень развития образовательной базы и уровень развития информационной инфраструктуры риск-менеджмента. К сожалению, величина последнего показателя для нашей страны, как и для Индии, равна нулю [7, с.68]. Не случайным выглядит тот факт, что наши две страны замыкают список, представленный в табл.1. Не обладая полным перечнем «базовых элементов», определяющих уровень развития риск-менеджмента (и уровень его государственного регулирования), трудно быть конкурентоспособным в эпоху, когда риск «critical information infrastructure breakdown» вошел в пятерку глобальных рисков, значимых по последствиям [10, с.17].

Таким образом, представляется целесообразным продолжать как исследовательскую работу в области методологии и методики расчета RPMI, так и практическую – по развитию информационной инфраструктуры риск-менеджмента в нашей стране.

Литература

1. The IMD World Competitiveness Yearbook 2013. – Lausanne: Institute for Management Development. Published by the WCC, 2013. – 566 p.

2. Колосов, И. А. Статистические методы оценки конкурентоспособности России в мировой экономической системе: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12 / И. А. Колосов. – М., 2012. – 151 с.
3. The Global Competitiveness Report 2013–2014: Full Data Edition – Geneva: World Economic Forum, 2013. – 552 p. – Режим доступа: www.weforum.org/gcr
4. Малкина, М.Ю. Особенности измерения и способы повышения конкурентоспособности российской экономики / М.Ю.Малкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2010. – №3(2). – С.529-537.
5. Белоусова, Л. В. Методы государственного регулирования профессиональной деятельности в сфере управления риском в промышленности: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Л. В. Белоусова. – М., 2013. – 236 с.
6. Рогов, М. А. Проект стратегии развития риск–менеджмента в России на 2013—2020 гг. на основе индекса развития риск–менеджмента RMPИ / М. А. Рогов // Материалы к годовому собранию НП «РусРиск». - М., 2012.
7. Белоусова, Л. В. Индекс развития государственного регулирования риск–менеджмента, и программа государственной поддержки развития риск–менеджмента / Л. В. Белоусова // Проблемы анализа риска. - Т. 10. - № 1. – 2013. - С. 30–43.
8. ГОСТ Р ИСО 31000–2010 Менеджмент риска. Принципы и руководство. – М.: Стандартинформ, 2012. – 27 с.
9. Коваленко, Г. В. К вопросу оценки эффективности инвестиций в системы компьютерного инжиниринга / Г.В. Коваленко, М.А. Коновалов // Theoretical&Applied Science. – 2013. - № 12 (8). - С. 105–108.
10. The Global Risk 2014: Ninth Edition – Geneva: World Economic Forum, 2014. – 60 p. – Режим доступа: www.weforum.org/risks